

«Жар-птица» в постановке Мориса Бежара тонко прорабатывает и душу, и технику.

Три с половиной балета

Гастроли труппы Мориса Бежара не обошлись без странностей

Майя Крылова

Морис Бежар отпраздновал 75-летие. Первую постановку он сделал в пятидесятые. С тех пор хореограф поставил свыше ста спектаклей, пережил бешеную популярность, создал несколько компаний и получил право упоминаться одним из первых в списке ключевых персонажей балета прошлого столетия. Удивительная способность придумывать спектакли обо всем на свете из любого подручного материала (а не только танца) совершенно естественна для человека, чей девиз: «День, когда я не узнал ничего нового, – потерянный день». Несколько раз его труппы выступали в России, послужив, особенно в 80-е годы, катализатором брожения умов: через Бежара советский балет отвыкал от мании величия, а публика приучалась к мысли, что в мире существуют не только классика и Григорович.

Нынешние гастроли труппы «Балет Лозанны» соединили Бежара раннего с Бежаром новейшим. Два балета на музыку Стравинского, как и «Болеро» (Равель) сочинены десятки лет назад, «Брель и Барбара» – в прошлом году. Стравинский, по словам Бежара, завораживает «со-

тики допущены не были. Аргентинец же танцевал совершенно механически: тем, кто хоть раз видел, как жарко исполняли «Болеро» премьер Бежара Хорхе Донн или Майя Плисецкая, невозможно смотреть на Стенли.

Бежар старше Джона Леннона, но всю жизнь исповедует философию «Only need is love». Любовь у него старомодно выходит за рамки секса. Балет «Брель и Барбара» («Свет») замешен на мотивах бежаровской биографии. Под пленительный французский шансон хореограф ностальгирует по дружбе с королевой европейской песни. Барбара (ее настоящее имя – Моник Серф) начинала хористкой в парижском театре «Могадор», потом стала знаменитой, и тема балета сопровождала ее всю жизнь: под живое пение Барбары в Нью-Йорке импровизировал Михаил Барышников. В 1965 году она встретила Бежара в Брюсселе, и оба почувствовали родство душ. Хореограф снял певицу в фильме «Я не в Венеции» и часами беседовал с ней. «В течение 35 лет Барбара говорила со мной о свете. Она считала себя черным сиянием, а светом для нее был шансонье Жак Брель».

сецким, педагогом труппы Бежара и преподавателем его балетной школы «Рудра».

– Азарий Михайлович, сколько лет вы работаете с Бежаром?

– Три года в Брюсселе, где базировался его прежний коллектив «Балет XX века». И одиннадцать лет в Швейцарии, в «Балете Лозанны». Теперь у Бежара появилась еще одна маленькая молодежная труппа – «Компани М». Буква в названии – от имени Морис.

– Вы наблюдаете за Бежаром много лет. Что меняется в его искусстве?

– Бежар по своей сути – эклектик. Он бывает очень разным. Вот «Скрипичный концерт» Стравинского, показанный на московских гастролях, – неоклассика, нечто а-ля Баланчин. После этого Бежар может поставить что-нибудь неожиданно иное – к примеру, в «индийском» стиле... Все ему не чуждо.

– Во второй половине XX века Бежара считали хореографом-революционером. А сейчас?

– Какие-то его вещи давно стали классическими. Например, «Весна священная», «Болеро». Но когда они появились, был чуть ли не скандал. Вспомните, как у нас ужасались «Болеро», как Майе (сестре Азария Плисецкого. – М.К.) запрещали это танцевать.

– Как хореограф выбирает разнообразнейшие темы своих балетов?

– Я думаю, если вы спросите его самого, он не сможет ответить. Это стихийно. У него, кажется, разбросаны антенны в космос, которые что-то улавливают.

– Бежару нужен особый тип максимально раскрепощенного танцовщика...

– Сначала Морис требует строгой классической основы. Недаром при создании труппы он пригласил вести классы Асафа Мессерера, российского педагога. Морису близка наша методика преподавания, потому что почти все педагоги Бежара – русские эмигранты. Но школа при труппе (кстати, она бесплатная) готовит универсальных актеров: они должны уметь танцевать классику, модерн-данс (он преподается по системе Марты Греам), разговаривать на сцене, даже петь.

– На предыдущих гастролях Бежара мы видели его спектакли, полные открытого морализаторства. Сейчас он поставил для своей новой труппы балет про мать Терезу. Это признак позднего творчества?

– Он во всем любит быть педагогом, это правда. И он умеет заставить себя слушать. Бежар делал балет про австрийскую императрицу Елизавету специально для знаменитой французской балерины Сильви Гиллем. Когда Морис с ней репетировал, я поражаюсь: прославленная звезда ведет себя в классе как школьная отличница. Она ловила каждое его слово.

В балетах Бежара любовь старомодно выходит за рамки секса

единением русской души, юмора и изощренной музыкальной техники». «Жар-птица» тонко прорабатывает и душу и технику, хотя от старого либретто по мотивам русских сказок не осталось ничего, «Скрипичный концерт» осваивает технику прежде всего. Оба балета по-прежнему хороши и ничуть не устарели, особенно в исполнении грамотной и ровной бежаровской труппы. И военно-серые робы кордебалета «Жар-птицы» совершенно не обязательно прочитывать как одежду партизан (популярная трактовка) – так же, как алое трико умирающей Птицы и возрождающегося из нее Феникса не нужно ассоциировать с красным флагом. Этот спектакль – мягкое продолжение жесткого «Болеро»: та же идея толпы, высасывающей из героя витальность, но в «Болеро» торжествует смерть, а в «Жар-птице» – жизнь.

Равель привлекает Бежара суггестивностью ритма, давая возможность сочинить единственный в своем роде балет: соло, которое может танцевать и мужчина, и женщина. В первый вечер «Болеро» исполнял Октавио Стенли, 22-двулетний танцовщик из Аргентины, на следующий день – испанка Элизабет Росс. Как она выступила, проинформировать читателей не могу: на второй вечер гастролей кри-

Дальше Бежар пишет, что вторая ключевая тема спектакля – немое кино. Но я не случайно прервала цитату. Того балета, что описан в парижских рецензиях, мы не увидели. На сцене Кремлевского дворца не было ни экранов, на которые проецируются фотографии Бреля и Барбары, ни кадров из фильмов изобретателей кинематографа братьев Люмьер, ни самих братьев в виде веселых клоунов со старыми кинокамерами в руках, ни танцев в черных мешках, ни массового выхода на сцену с портативными телевизорами... Или Бежар за год кардинально испортил собственный балет, низведя его до уровня дивертисмента с песнями, или (что более вероятно) он, к сожалению, согласился на то, что раньше именovali «халтурой», а теперь стыдливо называют «дешевый гастрольный вариант».

...Следующий проект хореографа – спектакль «Шелковый путь. Марко Поло», заказанный ему труппой Балета Шанхая. А на вопрос, почему в России не идет ни один балет периода бежаровского золотого века, отвечаю: наберитесь терпения. Не пройдет и ста лет, как Большой театр дозреет до идеи пригласить Бежара на постановку.

Корреспонденту «НГ» удалось поговорить с Азарием Пли-